

Борис Натанович, когда-то в газете «Московские новости» времён перестройки и Егора Яковлева была такая страница трёх авторов: «В мире», «В стране», «Во мне». «Что наиболее значимого, заметного, определяющего происходит сейчас в мире, в России, в Петербурге и у вас в душе?»

— В мире — странный год внезапных революций и бунтов.

В России — то же, что и в мире. Почему? Египет и Россия: где имение, и где вода?

Петербург — кусок России. И всё-таки — почему?

Я ненавижу застой. Но я боюсь (и не понимаю) внезапных бунтов. А мы — такое впечатление — в пяти минутах от бунта.

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Все мы родом из детства». Эмир Куэстурица, наоборот, считает, что с возрастом человек перестаёт обращаться к своему детскому опыту. Вы часто возвращаетесь к своему детству? Что значит для вас этот период жизни?

— Моё детство основательно было подпорчено и поковеркано войной (блокада, голод, эвакуация, изнурительный

страх остаться в одиночестве). Тем не менее это не самое, может быть, прекрасное, но без сомнения «светлое время жизни». Наверное, сама госпожа Природа позаботилась о том, чтобы все мы были Великими Маленькими Оптимистами именно в те годы, когда мы слабее, беспомощнее и беззащитнее всего.

И, заметьте, большинство наших воспоминаний о тех временах — это воспоминания о маленьких победах, внезапных «поворотах к лучшему» и о замечательных везеньях, которые — все вместе — и создают в памяти «светлый мир детства», так похожий иногда на счастливый сон. Интересно, что люди вообще склонны приукрашивать своё прошлое («и трава была зеленее, и водка дешевле, и женщины слаще»), но Золотой век у нас при этом должен был бы стоять именно в самом нашем детстве — да только вот не всегда у нас хватает ума и воображения это понять и принять.

В одном из интервью вы говорили, что в человеке всегда присутствует одинаковое количество ангельского и дьявольского. Просто раньше странничие свободы мешали и тому, и другому, а теперь

свободы стало больше, и дьявол получил свободу, потому что зло заметнее добра. С вашей точки зрения, лучше ограничить оба начала или всё-таки дать им свободу? Можно ли победить внутреннего дьявола или это борьба на всю жизнь?

— Это не просто «борьба на всю жизнь» — это и есть сама жизнь. Только «внутренний дьявол» — это слишком красиво (пыльный камзол с осыпавшейся позолотой, шпага в битых ножнах, готика-романтика): никакой не дьявол сидит в нас, а голая, ленивая, нелюбопытная обезьяна, обожающая, «чтобы было весело и ни о чём не надо было думать». Чтобы музыка была погромче, а всё прочее на свете — потише и не путалось под ногами...

«Добро» — это когда хорошо; МНЕ. «Свобода» — это когда можно ничего не делать и ничего за это не будет; МНЕ... Моя обезьяна никогда не согласится с тем, что наивысшее наслаждение человеку дарует успешный творческий труд. Она не поймёт ни единого слова в этой ключевой фразе. Она вообще враг труда. Война с обезьяной — это война труда за право существовать, и войну эту удаётся выиграть разве что отдельным счастливым чикам.